

18+

ВЛАДИМИР СМОЛОВ

ПУСТОЙ

Владимир Смоллов

Пустой

<https://litres.ru/74301342>

ISBN 9785007060585

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Что значит быть человеком? Любить, страдать, ненавидеть? Сможешь ли ты сохранить человечность под давлением обстоятельств? И на что пойдешь ты, чтобы сохранить свою жизнь? История об изнанке человеческой души и цене, которую приходится платить за право «существовать».

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	44
Глава 6	54
Глава 7	64
Глава 8	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Пустой

Владимир Смолов

© Владимир Смолов, 2026

ISBN 978-5-0070-6058-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Всё случилось слишком быстро. Еще секунду назад я чувствовал вкус дешевой жвачки и тяжесть в ногах, а в следующую — я уже парил над собственным телом. Крови было так много, что она казалась черной в свете неоновых ламп. Меня должно было тошнить, но у духов нет желудка. У них вообще ничего нет.

Как только я осознал это, я начал таять. Границы моего «я» поплыли, мысли превратились в вязкий кисель. Я исчезал.

«Я есть», — прохрипел я внутри своей пустоты. — «Я существую».

Водитель, сбивший меня, вывалился из кабины машины. Его ноги подкосились, он рухнул на асфальт. Он был жив. А я — нет.

И тогда пришла Ярость. Она родилась не в голове, она выплеснулась из груди. Я парил над ним, глядя, как он скулит на мокром асфальте. Я потянулся к его горлу. Смешно. Призраки не могут касаться плоти.

Но когда мои пальцы сомкнулись на его шее, реальность дрогнула.

Его тело выгнулось дугой. Мужчина задергался в конвульсиях, а я сжимал его горло всё сильнее, выпивая его жизнь, как жаждущий выпивает воду. Время перестало существо-

вать. Был только этот поток. Из него в меня хлынуло Тепло.

Мой дух налился свинцовой тяжестью. Босые ноги наконец коснулись земли. Шум Сиэтла обрушился на меня, как лавина: запах мокрого асфальта, вонь выхлопных газов, ослепительный свет вывески, отражающийся в луже моей собственной крови. Я чувствовал всё. Кожу под своими ногтями. Сопротивление мышц. Последний хрип моего убийцы.

Какая горькая ирония: чтобы снова почувствовать себя живым, мне пришлось самому стать смертью.

Когда поток энергии иссяк, я отшатнулся от мертвеца. Мысли прояснились. Эмоции вернулись, как удар тока. Я был здесь. Я был... почти живым. И мне стало страшно.

Зеваки продолжали прибывать. Кто-то обернулся, глядя на водителя, лежащего рядом с машиной.

— Кажется, ему плохо... — донесся до меня чей-то голос, как сквозь слой ваты. — Вызвали скорую?

Я нырнул за машину, прячась в тених. В мире живых мне больше не было места, но и уходить в пустоту я не собирался.

Глава 1

Лифт лязгнул, впуская Джеда Миллера в душное чрево Западного участка. У кофейного автомата уже толпились копы, вливая в себя паршивую жижу, пахнущую жженым пластиком. Джек прошел мимо. Раньше Нил всегда приносил два бумажных стакана из кофейни на углу — обжигающих, с двойным эспрессо и дурацкими шутками в придачу. Сегодня у Джеда в руках была только пустота.

Он опустился в обшарпанное кресло, которое скрипнуло под его весом. Стол тонул под завалами папок. Синие печати «ЗАКРЫТО» расплывались перед глазами. Миллер потянулся к краю стола, но рука схватила воздух. Опять.

Кто-то из этих стервятников снова стянул его ручку. Джек коллекционировал их — перьевые, тяжелые, нелепые — только ради того, чтобы чувствовать в пальцах хоть что-то настоящее, кроме металла табельного «Глока».

Он зажмурился. Темные веки дрожали. Медленно сжал огромные кулаки, как учил мозгоправ. Раз. Два... На десять он выдохнул, но ярость никуда не ушла, она просто осела на дно, как осадок в холодном кофе.

— Опять спишь в рабочее время, Миллер? — Голос Фрэнка прозвучал как скрежет ржавой пилы.

Джек открыл глаза. Коллега-детектив стоял рядом, криво усмехаясь. На стол приземлилась новая папка.

— Патрульные передали. Сказали, как раз в твой «музей курьезов».

Джед промолчал. Он поднял на Фрэнка тяжелый взгляд. Усмешка Фрэнка слегка померкла, он качнул головой и скрылся в лабиринте столов. В этом здании каждый, от уборщика до капитана, считал Миллера психом, помешанным на «естественных смертях». Но Джед знал: сердца сорокалетних напарников не останавливаются просто так.

Миллер открыл дело. С глянцевого снимка на него смотрела девушка. Розовые волосы, яркие, как неоновая вывеска в дождливую ночь. Улыбка, которой больше нет. Сухие строчки отчета пахли моргом и безразличием.

Миллер перевернул страницу. На него смотрела Эллисон Кларк. Двадцать лет — тот возраст, когда жизнь кажется бесконечной, а смерть — чем-то, что случается только с другими. В графе физических данных значилось: рост сто пятьдесят пять, вес пятьдесят восемь.

Джед невольно сжал пальцы на краю папки. Она была совсем крошечной. Хрупкая девочка, которая едва достала бы ему до плеча. Глядя на цифры, он почти физически почувствовал, насколько легкой она была — всего пятьдесят восемь килограммов жизни, которые кто-то или что-то вычеркнуло из реальности так же просто, как ставят точку в конце скучного предложения.

В сухих параметрах не было ни слова о розовых волосах или о том, как она смеялась, но Джед видел за этими цифра-

ми пустоту, которую теперь ничем не заполнить.

В графе «Причина смерти» стоял официальный штамп, но рядом, на самом поле, он увидел то, чего не должно было быть. Крошечный, едва заметный вопросительный знак, выведенный тонким карандашом.

Джед еще раз пробежал глазами по приписке внизу страницы. Почерк был аккуратным, почти вызывающим.

«Рекомендуется гистология на предмет атипичной кристаллизации белка. Диагноз АМІ не объясняет температурный градиент».

Миллер замер. «Атипичная кристаллизация». «Температурный градиент». Для большинства его коллег это был просто набор букв, научный мусор, который мешал закрыть дело и пойти пить пиво. Но Джед видел в этом нечто другое. Он видел трещину в идеальной стене «естественных причин», которую так старательно возводил участок.

Джед захлопнул папку. Он рывком встал, не обращая внимания на привычный укол боли в пояснице. Ему не нужны были санкции капитана или советы Фрэнка. Ему нужны были ответы, а ответы всегда пахли формалином.

Он решил лично навестить старого друга Боба. Миллер вышел из участка, и апрельский дождь Сиэтла встретил его своим привычным, ледяным поцелуем.

Глава 2

Марка разбудил звук. Равномерный, редкий стук, который вплетался в его сон, пока не превратился в ледяную каплю, ударившую прямо в переносицу. Он поморщился, смахивая влагу, и открыл глаза. Потолок его спальни зацвел пятнами потеков. Вода собиралась в тяжелые капли и срывалась вниз, отбивая на полу свой рваный ритм.

— Какого черта... — сонно пробормотал он.

Голос прозвучал хрипло в сыром полумраке комнаты. Марк откинул одеяло и тут же почувствовал подошвами ледяную влагу. Пол был усеян лужами, в которых дрожало отражение задернутых штор. Щелчок выключателя резанул по глазам. Парень обалдело присвистнул, глядя, как по свежим обоям бегут струйки воды.

— Емае...

Сон смыло мгновенно, на его месте закипало глухое раздражение. Марк на ходу натянул штаны, схватил со стула мятую футболку и, не тратя времени на носки, босиком выскочил в подъезд. Холодный бетон лестницы обжигал ступни, но гнев гнал его выше. Он что-то бормотал себе под нос — длинный поток ругательств, перемешанный с планами о том, что он выскажет соседям сверху.

На четвертом этаже из-под двери квартиры №42 уже всю сочилась вода, растекаясь по линолеуму коридора.

— Эй! — Марк забарабанил кулаком в крашеную древесину. — Есть кто живой?

Тишина. Только приглушенный гул воды за дверью. Он ударил еще раз, сильнее, и дернул ручку, она поддалась под его ладонью. Дверь была не заперта.

— Ау! Если вы не в курсе, вы заливаете соседей! — крикнул Марк через порог, всё еще не решаясь войти. В голове кольнула мысль: это же квартира той самой девушки с розовыми волосами, на которую он каждое утро боялся посмотреть дольше секунды.

— Эй! — он наконец переступил порог. Босые ноги утонули в ледяной воде, заполнившей прихожую. — Что тут, блин, происходит? У вас трубу прорвало?

Марк шел на звук. Из ванной доносился ровный шум переливающейся через край воды. Воздух в квартире казался странным — слишком плотным, наэлектризованным, словно перед грозой.

Он миновал гостиную, даже не заметив, что в паре метров от него, в тени у окна, стоит фигура. На девушке была легкая голубая сорочка с кружевом, её длинные розовые волосы закрывали лицо, спадая на плечи. Она стояла абсолютно неподвижно. Если бы Марк обернулся, если бы присмотрелся, он бы увидел, что подолаы её сорочки не колышутся, а пальцы босых ног замерли в паре дюймов над залитым полом.

Но он не обернулся. Он шел напрямик к открытой двери ванной, откуда валил густой пар.

— Надеюсь, дома кто-то есть. Я не грабитель, если что, — пробормотал Марк, пытаясь унять дрожь в голосе.

Он шагнул в ванную. В полумраке, едва пробиваемом светом из коридора, он увидел её. Тело Эллисон было полностью погружено в воду, голова почти скрылась под поверхностью, и только розовые волосы, как странные кораллы, свободно дрейфовали в этой пучине.

Марк вошел в облако пара, но пар не грел — от него веяло холодом склепа. Вода переливалась через край, с глухим стуком ударяясь о кафель. Реальность разлетелась вдребезги. На полу валялась её голубая сорочка с кружевом.

Марк бросился к крану. Пальцы скользили по металлу, который казался обожженным морозом. Он намеренно не смотрел на неё — боялся увидеть то, что уже знало его сердце. Он просто хотел, чтобы этот проклятый шум прекратился. Чтобы она перестала тонуть в этой воде, которую он так любил слушать по вечерам, мечтая о ней.

Его взгляд на долю секунды зацепился за бутылку вина на бортике ванной. Недопитая. Одинокая.

Марк начал пятиться, выходя из ванной спиной вперед. Когда он миновал дверной проем и оказался в комнате, краем глаза он уловил движение. Парень резко обернулся и замер.

Там, у окна, стояла та же самая девушка, которую он только что видел в воде.

Его глаза расширились, зрачки затопили радужку. Шок

парализовал легкие. Девушка медленно, словно преодолевая сопротивление невидимого киселя, подняла руку. Её губы бесшумно шевелились, но вместо слов в ушах Марка нарастал невыносимый белый шум.

— Вы что... близняшки? — сорвалось с его губ единственное нелепое объяснение, за которое смог ухватиться разум.

В это мгновение она коснулась его. Пальцы Эллисон прошли сквозь футболку, и Марк почувствовал, как в грудь вонзилась ледяная игла. Холод был таким яростным, что сердце на мгновение забыло, как биться. Девушка вспыхнула помехами и исчезла, растворившись в воздухе.

— Какого хре... — выдохнул Марк.

Ноги подкосились. Сознание погасло, как выключенный рубильник, и он рухнул навзничь в ледяную воду, которая продолжала захватывать его квартиру.

Пару часов спустя Марк сидел на бетонных ступенях крыльца, кутаясь в колючий плед. Мимо проплыли носилки — зловещие, бездушные. Из-под дешевого покрывала выбилась розовая прядь, ярким пятном ударив по глазам. Патрульный офицер что-то монотонно скрипел ручкой в блокноте, фиксируя показания. Марк пересказал всё: воду с потолка, незапертую дверь, ванную... но на моменте с «близняшкой» он прикусил язык. Сказать копу, что мертвая соседка стояла в комнате, а потом растворилась в воздухе

— кратчайший путь в психиатрическое отделение «ХарборВью».

Марк снова потер грудь под пледом. Кожа ныла, словно от ожога, оставленного куском льда. «Шок. Просто чертов галлюциногенный шок», — твердил он себе, как мантру.

Медик скорой, закрывая задние двери машины, еще раз подошел к нему.

— Точно в порядке, парень? Зрачки всё еще расширены.

Марк просто кивнул, не в силах выдать ни слова. Скорая и патрульный уехали, оставив его наедине с тишиной Беллтауна.

Он вернулся в свою квартиру. Здесь пахло сыростью и бедой. На работу он уже позвонил — голос начальника звучал как шум из нормального мира, где люди просто опаздывают из-за пробок. Марк стянул мокрую футболку. Его била крупная дрожь. Несмотря на весеннее солнце за окном, внутри него поселился арктический холод. Он натянул самый толстый свитер, какой нашел, но зубы продолжали выбивать четку.

«Кофе. Просто горячий кофе», — подумал он, разворачиваясь к кухне.

И замер. Ноги словно вросли в мокрый линолеум.

Посреди комнаты снова стояла Эллисон. Она была здесь, в его личном пространстве. Её губы лихорадочно шевелились, но вместо голоса комнату заполнял вязкий белый шум. Она озиралась по сторонам с расширенными от ужаса зрачками,

словно не понимала, как оказалась в этой чужой коробке из четырех стен. Сквозь её тело медленно проплывают пылинки, а солнечный луч из окна не ложится на её плечи, а проходит насквозь.

Парень замер, не дыша. Шоковое оцепенение, сковавшее его, казалось зеркальным отражением паники в глазах Эллисон. Воздух в комнате стал густым, и в нем отчетливо пахло озоном и застоявшейся водой.

— Эллисон?.. Ты жива? — его собственный шепот показался ему чужим, словно кто-то другой произнес это имя в пустой комнате.

Девушка обернулась. Она двинулась к нему, её губы лихорадочно задвигались, выталкивая слова, которые тут же тонули в вязком шипении помех. Марк видел, как дрожит её подбородок, как расширяются её зрачки, но до него долетал лишь сухой электрический треск.

Он начал медленно сокращать расстояние между ними, осторожно переставляя ноги по мокрому полу. Рука, которую он протянул вперед, дрожала так сильно, что он едва её контролировал. Когда их пальцы соприкоснулись, мир вокруг Марка буквально взорвался.

Вместо тишины на него обрушилась лавина звуков: всхлипы, прерывистое дыхание и дрожащий, сорванный голос Эллисон, который звучал прямо у него в голове, минуя уши.

— Боже, Марк... Марк, что происходит?! Помоги мне! Это было слишком громко, слишком реально. Парень дер-

нул, его взгляд скользнул вниз, и именно в эту секунду он осознал то, что мозг так старательно игнорировал. Сквозь грудь Эллисон, сквозь нежную голубую ткань её сорочки, он отчетливо видел узор обоев на противоположной стене и край своей книжной полки.

Марк отшатнулся, словно от удара током. Контакт разорвался. Электрическая искра, связывавшая их, погасла, и голос Эллисон мгновенно сменился мертвым треском помех.

Он стоял, тяжело дыша, пытаясь осознать увиденное. Девушка продолжала что-то кричать, но теперь это выглядело как немое кино, испорченное помехами на линии. В груди снова заныло — тупая, тянущая боль. Но он заставил себя остаться. Вместо того чтобы с криками вылететь на улицу, Марк просто перевел дух, заставляя легкие работать.

— Эм... Эллисон? — он наклонил голову, щурясь и пытаясь не смотреть на стену сквозь её живот. — А ты... ты меня слышишь?

Эллисон замерла. Она прищурилась, прикусив губу — этот жест всегда казался ему милым, но сейчас от него веяло холодом могилы. Её губы снова задвигались в беззвучном ритме.

— Погоди, погоди, — Марк замахал руками, стараясь успокоить её. — Я тебя совсем не слышу. Только этот шум...

В его голове всплыла безумная догадка. Он снова медленно протянул ей ладонь, раскрытую и приглашающую. Эллисон помедлила, глядя на его руку так, словно это был спаса-

тельный круг в океане. Она вложила свои пальцы в его. И снова — вспышка, искра, и мир обрел звук.

— А сейчас?

— Господи, Марк... Где я? Почему я здесь? — она озиралась, и её призрачный взгляд скользил по вещам, которые Марк привык считать своими.

— Ты у меня в квартире, — ответил он, не выпуская её руки.

Они стояли в тишине, двое молодых людей в затопленной комнате, соединенные электрическим разрядом, который был единственным, что удерживало их в одной реальности. Марк всматривался в её лицо и заметил странное: Эллисон как будто стала на полтона плотнее. Обои за её спиной всё ещё просвечивали, но уже не так ярко, словно туман вокруг неё немного сгустился.

— Эллисон, с тобой всё в порядке? Как ты себя чувствуешь?

Девушка немного отстранилась и обняла себя руками. Она начала что-то быстро быстро говорить.

И чтобы её услышать он осторожно коснулся её плеча другой рукой.

Пальцы не встретили сопротивления. Не было ни костей, ни мягкой ткани — лишь ощущение пустоты, которая была чуть плотнее, чем окружающий воздух. Словно он коснулся густого холодного пара, который на мгновение сохранил форму человека.

— ...а потом я просто провалилась сквозь потолок и очутилась здесь, — Эллисон замолчала, глядя вверх.

Они оба синхронно подняли головы, словно ожидая увидеть в бетонных плитах дыру, ведущую в иное измерение. Но наверху были только разводы и расплывающиеся пятна воды, которые продолжали медленно сочиться вниз.

— Повтори еще раз... что ты сказала? — Марк чувствовал, как реальность выскальзывает из-под ног, точно мокрый кафель.

— Я говорю, что со мной не всё в порядке! — в её голосе прорезалась истерика, но это была очень странная истерика. Она всхлипывала, но её глаза оставались сухими. Она посмотрела на ладонь парня, лежавшую на её плече, а затем перевела взгляд на его лицо. — Почему ты меня трогаешь?

— Иначе мы не слышим друг друга, — Марк поежился. Холод, исходящий от неё, начал пробираться под свитер, вгрызаясь в кости. В груди снова противно заныло, и он потер это место свободной рукой, пытаясь разогнать онемение. — Можешь просто взять меня за руку.

Он убрал ладонь с её плеча и протянул её вперед, раскрытую и пустую, словно приглашал её на странный, медленный танец в затопленной комнате. Эллисон передернула плечами, её призрачная форма на миг подернулась рябью.

— Ш-ш-ш... ш-ш-шшш... — донеслось до Марка, пока она не вложила свои тонкие пальцы в его ладонь.

— Что?

— Я говорю — бессмыслица какая-то! — её голос снова зазвучал отчетливо внутри его головы.

Они замерли посреди комнаты, пожимая друг другу руки. Со стороны это выглядело бы нелепо, если бы в этой комнате оказался кто-то еще. Высокий парень в тяжелом свитере и полупрозрачная девушка в ночной сорочке, стоящие по щиколотку в воде.

— Эллисон, — Марк наконец нарушил тишину, и его голос дрогнул. — Мне кажется... мне кажется, ты умерла.

Девушка часто-часто заморгала. На её лице отразилось недоумение, которое внезапно сменилось смехом. Это был жуткий звук — слишком звонкий для этого места.

— Умерла? Ты чего, Марк? Перегрелся? Вот же я, стою прямо напротив тебя. Я чувствую... — она осеклась, пытается найти слова, — я чувствую, что я здесь.

— Прости, — Марк сжал её пальцы чуть крепче, хотя они всё еще ощущались как холодный дым. — Но я видел. Видел, как патрульные выносили твое тело на носилках. Розовая прядь выбилась из-под простыни... Тебя увезли в морг, Эллисон. Ты была мертва. Прямо совсем.

В комнате снова воцарилась тишина, прерываемая только тяжелым «кап-кап-кап» с потолка. Эллисон отшатнулась, её лицо исказилось. Она затрясла головой, и по её губам Марк читал единственное, отчаянное слово: «Нет». Девушка развернулась и бросилась к выходу, пытаясь спастись в привычном мире. Но когда она схватилась за ручку, её пальцы про-

сто прошли сквозь металл. В панике она толкнула дверь всем телом, но не встретила сопротивления — она провалилась сквозь стальное полотно, как сквозь густой туман.

Сделав шаг назад, она едва не столкнулась с Марком, который шел следом. Парень не почувствовал столкновения тел, но ощутил странное давление. Словно рядом резко изменилась гравитация или подул невидимый ветер, заставляющий волосы на руках встать дыбом.

— Этого не может быть... Я не верю тебе! — она обернулась, и её голос в ушах Марка снова превратился в беззвучное шевеление губ.

Эллисон начала лихорадочно ощупывать себя. Своё тело она чувствовала: ткань сорочки, кожу. Но когда она снова потянулась к Марку, её рука вошла в его грудь, не встретив преграды. Девушка отскочила, прижав ладонь к губам. Её глаза, огромные и полные немого ужаса, смотрели на парня как на самое жуткое чудо в мире.

Марк стоял неподвижно. Казалось, он принял её смерть с пугающей легкостью. Но на самом деле он был просто слишком истощен — и физически, и ментально. Его мозг, перегруженный событиями утра, просто перешел в режим регистрации фактов.

— Мне правда жаль, — тихо сказал он, глядя в пустоту перед собой. — Если честно, я понятия не имею, что говорят или делают в таких ситуациях. Как думаешь, есть какой-то этикет для первой встречи с призраком?

Вспыхнув от гнева, Эллисон замахнулась, пытаясь вцепить ему пощечину за это неуместное спокойствие. Но её ладонь лишь разрежала воздух там, где была его щека, не оставив даже следа. Она замерла, глядя на свою бесполезную руку, затем на Марка, и, наконец, медленно протянула ладонь для рукопожатия. Это был единственный способ вернуть себе голос.

Крохотная электрическая искра снова ужалила их пальцы, когда Марк ответил на жест.

— Ты сейчас... пошутил, что ли? — в её голосе дрожал гнев, перемешанный с рыданиями, которые она пыталась подавить.

Марк посмотрел на неё и вдруг улыбнулся. Это была слабая, виноватая, но очень теплая улыбка. Эллисон замерла. Она столько раз наблюдала за ним из окна или через приоткрытую дверь, ловя каждое его движение, мечтая об этой самой улыбке по утрам в коридоре... И теперь, когда она наконец её получила, цена оказалась непомерно высокой. Но на секунду, всего на одну короткую секунду, ей стало теплее.

Глава 3

Голоса зевак за спиной сливались в неразборчивый гул, а вспышки телефонных камер резали глаза. Я сорвался с места. Мои шаги были неестественно легкими, почти невесомыми. Я не знал, куда бегу, — просто вперед, подальше от собственного трупа и толпы, жаждущей зрелищ.

Через пару кварталов я замер в темноте переулка. По привычке я попытался глубоко вздохнуть, но легкие оставались неподвижны, как мехи сломанного инструмента. Моё сердце молчало, застыв холодным камнем в груди, хотя всё тело гудело от украденной силы. Дыхание не сбилось, ноги не гудели от усталости. Вдалеке надрывно взывала сирена скорой, а над моей головой в такт ей мигал разбитый фонарь. Я опустил взгляд и в ужасе уставился на свою тень на асфальте. Она была слишком четкой, слишком плотной.

Если забыть о том, что внутри меня больше не бился пульс, я чувствовал себя великолепно. При жизни я не видел дальше своего носа и всегда носил очки — они, конечно, остались там, на асфальте, залитые кровью. Но сейчас они были мне не нужны.

Я подошел к разбитому зеркалу, прислоненному к мусорному баку. Из треснувшего стекла на меня смотрел незнакомец. Мои глаза... они больше не были карими. Зрачки затянуло тусклой голубизной — цветом мертвого экрана или

электрического разряда, вывернутого наизнанку. В них не было искры жизни, только голодная пустота, жаждущая поглотить.

Мир без линз всегда был для меня расплывчатым пятном, но сейчас ночной Сиэтл проступил в пугающих деталях. Я видел каждую микроскопическую трещину на кирпичной кладке, каждую каплю жира, плавающую в луже у бака.

Я медленно присел на корточки у стены. Суставы не скрипнули, мышцы не затекли. Я был плотным, но эта тяжесть была искусственной. Я ощущал себя сложной машиной, которую завели украденным ключом. Энергия водителя текла по моим призрачным венам, даруя мне эту имитацию жизни.

Мне нужно было время. Нужно было обдумать то, что случилось, и понять, как долго продержится этот заряд.

Забегаю вглубь переулка, я не заметил битого стекла. Острый осколок глубоко впился в стопу, но боли не было. Только тупой толчок. Я вытащил стекло — рана не кровоточила. Края кожи просто сошлись, стянулись, как под действием невидимого магнита, оставляя гладкое место. И в ту же секунду я почувствовал, как внутри меня выгорела крохотная, но осязаемая искра украденного тепла.

Из вытяжки ближайшего ресторанчика несло пережаренным маслом и специями. Я вдыхал этот запах по привычке, но рот оставался сухим — слюна больше не вырабатывалась.

На пожарной лестнице наверху скрипнул металл. Там, в темноте, горели два желтых глаза.

Мог ли я вернуться домой? Я жил один, в конуре, до которой отсюда было рукой подать. Но если кто-то из соседей был там, на перекрестке? Если мое лицо уже мелькает в лентах новостей?

Я смотрел на окна домов, из которых лился уютный свет. Мимо переулка кто-то прошел. Я не видел лица, только слышал брезгливое: «Извращенец...». Прохожий выдохнул густое облако пара — ноябрь в Сиэтле не шутил, предвещая ледяной декабрь. Но из моей груди не вылетало ничего. Зима, которую я не должен был увидеть, уже кусала город за пятки.

Я сидел на куче мусора, полностью голый. Первым делом — одежда. Денег нет, ключи и бумажник остались в карманах трупа на асфальте. Сколько времени у легавых займет проверка документов? Пойдут ли они к мне домой сегодня? Вряд ли. Обычная авария, труп на месте, виновник тоже. Я решил рискнуть. Мне нужны были штаны и хоть какой-то запас наличности.

На улице было пусто. Центральная дорога сияла огнями, но переулки, по которым я пробирался к дому, тонули в спасительной тени. Главное — не попадаться на глаза. Холодало быстро, но этот холод казался мне далеким и чужим. Вместо привычного стука сердца в груди гудела украденная жизнь — горячая, как расплавленный свинец. Она не качала кровь.

Она просто не давала мне рассыпаться в пыль.

Я двигался перебежками, прижимаясь к холодным стенам зданий. Каждый открытый участок тротуара казался сценой под светом прожекторов. Я затылком чувствовал их взгляды. Главное — не замирать. Стать тенью среди теней.

— Эй, парень! Трусея у любовницы забыл? — выкрикнул кто-то из проезжающей машины. Вслед полетел громкий хохот.

Я промчался мимо, не поворачивая головы. Гнев внутри меня даже не шелохнулся — в голове билась только одна мысль: добраться до убежища. Путь до дома казался бесконечным марафоном по раскаленным углям, хотя мои босые ноги не чувствовали холода асфальта.

И вот я здесь. Стою перед своей дверью. И только сейчас, глядя на запертый замок, до меня дошло: ключи остались в кармане того, кто сейчас лежит на столе в морге. Я просто стоял и тупо смотрел на дверную ручку.

— Ты как голым-то оказался за дверью?

Я в панике обернулся, инстинктивно прикрывая пах руками. Сосед. Я даже не помнил его имени. Он смотрел на меня с тем ленивым любопытством, с которым смотрят на дорожную аварию.

— Да сам не знаю... — голос прозвучал натянуто. — Все как в тумане. Выпил лишнего с друзьями, а они решили так подшутить.

Ложь была глупой, топорной, но это единственное, что

смог выдать мой поджаренный мозг. Сосед лишь усмехнулся — в Сиэтле видели и не такое — и скрылся в своей квартире.

Я остался стоять в коридоре, чувствуя, как внутри меня медленно остывает жизнь. Через минуту дверь соседа снова приоткрылась, и в меня полетели старые джинсы.

— Прикройся. Стыдоба-то какая.

— Спасибо, — выдохнул я, подхватывая ткань.

Странная щедрость. Мы едва знали друг друга, пара кивков в лифте за год. Наверное, он даже не знал, как меня зовут. Для него я был просто «парнем из 34-й».

— Можешь не возвращать, — бросил он, и замок щелкнул.

Отлично. Одной проблемой меньше. Я быстро натянул штаны, чувствуя грубую ткань на коже. Это вернуло мне крупицу уверенности. Но закрытая дверь никуда не делась. Я снова уставился на замок. И вот тогда тепло в груди начало иссякать.

Раньше я не обращал внимания на этот сгусток энергии, считая его своим по праву, но теперь он таял. Первыми сдались пальцы рук и ног — они истончились, стали бледными, как туман над заливом, а затем и вовсе полупрозрачными. Осязание ушло следом. Я не сразу это заметил, слишком занятый закрытой дверью и нелепым диалогом с соседом.

Чем меньше тепла оставалось, тем меньше веса я имел в этом мире. Процесс шел неравномерно: руки исчезали быстрее, превращаясь в белесое марево. Подаренные соседом

штаны начали сползать. Я инстинктивно попытался подхватить их, но пальцы просто прошли сквозь грубую ткань, не встретив сопротивления. Одежда кулем упала на пол.

Я смотрел на дверь, на свои тающие конечности, на брошенные джинсы. Тело снова стало невесомым, и я почувствовал, как мои босые пятки оторвались от линолеума, зависнув в паре дюймов над полом.

Махнув на одежду ставшей призрачной рукой, я повернулся к двери. Кисть прошла сквозь ручку и дверное полотно, словно через облако. Никакой плотности. Никакой разницы между деревом, металлом или бетонной стеной.

Я крепко зажмурился и сделал шаг вперед.

Когда я проходил сквозь стену, я почувствовал давление. Тот последний комок тепла, что еще теплился в груди, словно сжали тисками, пытаюсь вытолкнуть из моего «я». А потом — щелчок. Словно кто-то невидимый дернул рубильник, обесточив весь город.

Остатки жизни моего убийцы закончились.

Мир мгновенно выцвел. Зрение стало хуже, чем при жизни без очков — всё поплыло, превращаясь в грязные пятна. Слух пропал, оставив меня в абсолютной глухоте. Я вернулся туда, откуда начал — в серый лимб без запахов, звуков и веса.

Мысли путались, становясь вязкими, как смола. Эмоции вымыло, оставив только тупое оцепенение. Я стоял посреди своей комнаты и смотрел в одну точку, не моргая минутами,

а может, и часами.

Я медленно проплыл вглубь квартиры. Ноги двигались по привычке, имитируя шаги, хотя я больше не касался пола. Я вернулся домой, но дома здесь больше не было — только серая коробка, где меня больше не ждали.

В квартире всё замерло в том же виде, в каком я оставил её утром. Грязные тарелки в раковине, которые я обещал себе помыть, отклеившиеся уголки обоев, гора смятой одежды на стуле — я ведь проспал и одевался впопыхах. Обычное холостяцкое гнездо, не знавшее женской руки. Разложенный диван со сбитым постельным бельем теперь казался мне экспонатом в музее. Всё это было нереальным, чужим. Я смотрел на свою прошлую жизнь сквозь мутную пелену угасающего сознания.

Вдруг за стеной кто-то громко засмеялся. Звук был таким звонким, таким вызывающе живым, что он пробил даже мою атрофированную пустоту. Я шевельнулся, как старая, заржавевшая машина: сначала на звук медленно повернулась голова, а затем и всё остальное тело. Я плавно поплыл на этот шум, больше не задумываясь о том, что делаю. Мной двигал инстинкт.

Проход сквозь стену стоил мне остатков сил. Тот крохотный комок тепла в груди, что еще оставался, сжался до размеров монетки. Я физически чувствовал, как мои ноги, оставшиеся там, за стеной, просто рассыпались серым пеплом, не в силах преодолеть сопротивление плотной материи.

Спустя вечность я осознал себя в соседней квартире, совсем близко от того самого парня, что дал мне штаны. Моя призрачная рука вошла в его голову, но мы оба ничего не почувствовали. Я переместил ладонь ему в грудь, туда, где должно было биться горячее сердце, но ничего не произошло. Даже на удивление не было сил.

Я замер, судорожно пытаюсь вспомнить, как это случилось в первый раз. Там, на асфальте, мне было страшно, я был в шоке, но... сильнее всего я был зол. Гнев стал тем самым ключом, который провернул замок между нашими мирами.

Сможет ли гнев помочь мне сейчас, когда я почти перестал соображать? Я начал копать в своих обрывках памяти, выуживая оттуда каждую обиду, каждую несправедливость своей никчемной жизни, раздувая их, как последние угли в остывающем камине.

Я не хотел его смерти. Я просто стал вакуумом, а он — единственным источником тепла в этой остывающей комнате. Энергия перетекала в меня — густая, живая, пульсирующая. Сосед вдруг прервал свой смех, его лицо осунулось, кожа в одно мгновение стала серой, как пепел, а по комнате поплыл едва заметный след инея. Он начал дрожать — противной дрожью, какую чувствуешь, когда проваливаешься в ледяную полыню.

В последний момент что-то внутри меня — остаток прежней человечности или просто холодный расчет — заставило меня разжать пальцы, я не убил его

Мысли прояснились мгновенно. Руки и ноги снова обрели четкие очертания, но это не была живая плоть — скорее, плотный, осязаемый туман. Теперь я чувствовал этот сгусток у себя в груди гораздо отчетливее. В первый раз это было похоже на огромный кусок старого, тусклого угля — его было много, но он едва тлел. Сейчас же во мне дрожала искорка: крохотная, но невыносимо яркая.словно я проглотил кусочек звезды.

Я понял: я ничего не знаю о себе. Мне нужно учиться управлять этим телом, этой энергией, если я хочу оставаться «живым» в этом мире.

Я подошел к стене, чтобы вернуться в свою пустую квартиру, но как только моя грудь коснулась преграды, я ощутил яростное сопротивление. Давление было таким сильным, что искру в груди едва не раздавило. Стены больше не были дымом — они стали ловушкой. Я понял: каждый проход сквозь материю сжигает мой заряд. Если я сейчас пройду обратно, я снова стану тупым, безмозглым призраком. Или просто растворюсь, не долетев до дивана.

Я дрейфовал под потолком в вязком оцепенении, не зная, как выбраться из этой ловушки, когда тишину разрезал дверной звонок.

Сосед, кутаясь в плед, словно старик, доживающий последние часы, с трудом поднялся с дивана. Его движения были неуверенными. Он дотащился до двери и открыл её.

— С вас семнадцать долларов... — начал было парень с

термосумкой, и в этот миг я рванулся вперед.

Я прошел сквозь тело курьера, как горячий нож сквозь масло. Рефлекторно, почти не осознавая, что делаю, я дернул за его «нить» тепла. Энергии было много, но она была поверхностной, быстрой — не та глубокая искра, что я забрал у соседа. Курьера пробил мгновенный озноб.

— Ну и сквозняк у вас... — пробормотал он, приплясывая на месте. — Зима еще не скоро, а морозы уже лютые.

Пока сосед дрожащими пальцами прикладывал карту к терминалу, я уже стоял в коридоре. Всё еще бесплотный, всё еще прозрачный. Мои «соседские» джинсы бесформенным комом валялись у двери в мою квартиру. Курьер, бурча под нос про сломанное отопление, зашагал к лифту. Из-под двери квартиры пробивался мертвенный свет телевизора, а я парил посреди пустого коридора, чувствуя, как драгоценные секунды утекают сквозь пальцы.

Я сосредоточился. В голове тикали невидимые часы, отсчитывая время моей плотности. Я визуализировал себя, слой за слоем, восстанавливая вес. Энергии курьера и соседа хватило, чтобы я стал «тяжелым».

Глава 4

— А теперь я предлагаю немного успокоиться, — выдохнул Марк.

Они стояли посреди комнаты, соприкасаясь лишь ладонями. Электрическая дуга их связи держала реальность на плаву, не давая миру окончательно рассыпаться на пиксели.

— Мне в таких случаях всегда помогает кофе. К тому же для апреля на улице жуткий холод. словно весна решила развернуться и уйти, уступая место вечной мерзлоте.

Марк медленно опустил руку. Эллисон вздрогнула от внезапно наступившей тишины, но не отступила. Он аккуратно обошел её, стараясь не задеть плечом — контакт с «пустотой» всё ещё пугал его до дрожи — и направился на кухню.

— Я бы предложил чашечку и тебе, но боюсь, в твоём нынешнем состоянии это будет выглядеть... странно. Призраки ведь не пьют кофе, верно?

Он почувствовал резкий укол холода в левом плече — Эллисон шла следом и попыталась толкнуть его, возмущенная его тоном. Марк не услышал её ответа, но почувствовал это движение как порыв ледяного ветра.

— Прости. Я всегда несу всякую чушь, когда нервничаю, — бросил он через плечо. — Ты что-нибудь помнишь? Ну, кроме того, что вода — это мокро? Расскажи, что с тобой случилось.

Эллисон замерла на пороге кухни. Её губы задвигались, она явно начала что-то объяснять, увлеченно жестикулируя, но Марк лишь постучал пальцем по своему уху и покачал головой.

— Я всё ещё не слышу тебя без контакта, Эл. Ты для меня сейчас — просто немое кино.

Он возился с чайником, гремя банкой растворимого кофе. На кухне было на удивление чисто. Скромный быт одинокого парня, который привык убирать за собой, чтобы не сойти с ума от тишины. Эллисон подошла ближе. Её рука легла ему на плечо — жест был неуверенным, почти интимным. Она касалась его так, словно боялась, что он тоже может оказаться призраком и растаять.

— Я ничего не помню, Марк, — её голос снова зазвучал внутри него, вибрируя где-то под ребрами.

Марк скосил глаза на её прозрачную ладонь. Она была невесомой, он чувствовал не тяжесть руки, а только точечное онемение кожи. Он молча налил кипятка в кружку, добавил щедрую порцию сливок, надеясь, что жир и сахар помогут унять дрожь.

— Совсем ничего? Но мое имя ты же вспомнила.

Девушка смутилась. Она отвела взгляд, разглядывая старые трещины на кафеле, но руку с его плеча не убрала.

— Я вспомнила тебя там, наверху, в тот момент, когда увидела твое лицо в дверях. А когда я прикоснулась к тебе... — она посмотрела на потолок, затянутый пятнами сы-

рости. — Меня словно ударила молния. А потом я просто провалилась сюда. Я помню свою жизнь, но как-то смутно. Знаешь это чувство, когда просыпаешься и еще полминуты помнишь свой сон, а потом он ускользает, оставляя только неприятный осадок?

Марк повернулся к ней, грея руки о кружку. Горячий напиток обжег горло, тепло начало медленно разливаться по телу, но тот странный холодок в самой глубине груди никуда не ушел. Он просто кивнул, глядя на неё сквозь пар.

— Я помню свою жизнь. Но отрывками, — Эллисон смотрела куда-то сквозь Марка, в ту точку, где стена кухни смыкалась с потолком. — Картинки из детства яркие, сочные, а последние дни... всё как в тумане.

— Странно, — Марк задумчиво вертел в руках кружку. — Обычно ведь наоборот? Я вот свое детство почти не помню, одни обрывки. Впрочем, это не важно. Продолжай, пожалуйста. Прости, что перебил.

— У меня такое чувство, — она на мгновение зажмурилась, — что я помню свой самый первый вздох. Лицо матери, когда она впервые взяла меня на руки. Было больно, страшно, но так... правильно.

Марк в удивлении приподнял брови, сделав еще один осторожный глоток. Взгляд девушки стал мечтательным, отстраненным. Казалось, она сейчас не на кухне в Сиэтле, а где-то в теплом «нигде», куда ему, живому, доступа нет.

— Эллисон? Элли? — позвал он тихо. Она вздрогнула и

сфокусировалась на нем. — Но ведь мы не были знакомы. Официально, я имею в виду. И всё же ты помнишь мое имя?

Марк снова улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у Эллисон по телу (или тому, что от него осталось) пробежала волна странного тепла.

— Не знаю, — она пожала плечами. — Просто помню и всё.

Если бы у неё была плоть, она бы сейчас густо покраснела. Но на лице призрака Марк видел только тень смущения и слабую ответную улыбку.

— А мы разве не знакомы? — вдруг прищурилась она. — Тогда откуда ты сам знаешь, как меня зовут?

Марк поперхнулся, закашлявшись.

— Ай... Черт, слишком горячий кофе, — прошептал он, пытаясь выиграть время. — Ну... мы ведь соседи. Встречались у почтовых ящиков. Пару раз в лифте. Кхм.

Парень отвел взгляд, разглядывая дно кружки, и теперь уже Эллисон улыбнулась. Она поняла, что этот угрюмый парень наблюдал за ней гораздо внимательнее, чем она могла предположить.

Марк поставил кружку на стол и сел на скрипучий табурет. Эллисон, не задумываясь, прошла сквозь край стола, словно его и не было, и опустилась на стул напротив. У Марка на секунду округлились глаза — к этой призрачной физике невозможно было привыкнуть сразу — но он быстро взял себя в руки. Он положил ладонь на стол, открытую и

приглашающую. Эллисон вложила свою миниатюрную, прозрачную кисть в его руку.

— А что последнее ты помнишь перед тем... ну, перед всем этим?

— Что я легла спать. Как обычно, около полуночи.

— Точно, — подтвердил Марк. — Помню, как ты выключила телевизор.

Девушка в недоумении уставилась на него. Марк тут же вскинул свободную руку в защитном жесте.

— Эй, я не виноват, что здесь такие картонные стены! — оправдывался он. — Я не подслушивал специально. Просто... просто я всегда знал, когда ты ложишься.

Он замолчал, осознав, насколько это прозвучало по-сталкерски, и быстро вернул руку на место, восстанавливая связь. Эллисон тихонько хихикнула. Звук её смеха в его голове был похож на звон маленьких колокольчиков в пустоте.

— Но что-то здесь не сходится, — Марк мгновенно посерьезнел.

— О чем ты?

— Я нашел тебя в ванной, Эл. И пошел я к тебе только потому, что вода начала заливать мою квартиру.

— Ты хочешь сказать, что я пошла принимать ванну посреди ночи? Сразу после того, как выключила телек и легла спать?

— Я не думал об этом, пока ты не спросила, — тихо произнес Марк, глядя на свои пальцы, переплетенные с её про-

зрачной рукой. — Но есть еще одна деталь, которая не дает мне покоя.

Эллисон едва заметно кивнула, побуждая его продолжать.

— На бортике ванной стояла открытая бутылка вина. Почти полная.

— Я не пью, — Эллисон ответила мгновенно, без тени сомнения. — Мне не нравится... — она запнулась на долю секунды, осознав прошедшее время, — мне никогда не нравился вкус алкоголя.

— А бутылка?

Девушка нахмурилась, пытаясь продраться сквозь вязкий туман в своей голове.

— Я иногда готовила. Кажется, оно осталось для выпечки... или маринада. Марк, я вспоминаю что-то, только если очень сильно напрягаюсь. В остальном в голове — сплошные помехи.

— Но не само вино привлекло мое внимание, — Марк замолчал, чувствуя, как холод в груди становится почти невыносимым. — Там не было бокала, Эл. Ни на бортике, ни в раковине. Я не думаю, что ты стала бы пить прямо из горлышка.

— Учитывая, что я вообще не пью? Да, Марк. Пить из горла посреди ночи — это была бы не я.

Они отвели взгляды друг от друга. Тишина на кухне стала осязаемой, тяжелой. Единственным звуком оставалось редкое «кап... кап...» из неплотно закрытого крана, отбиваю-

щее секунды их новой реальности.

— Марк? — голос Эллисон в его голове прозвучал как надтреснутый хрусталь. — Думаешь... думаешь, меня убили?

Марк не нашел в себе сил посмотреть ей в глаза.

— Я не думаю, что ты просто утонула, Эллисон. Тот, кто был в твоей квартире, хотел, чтобы это выглядело как несчастный случай. Но он не знал тебя.

Эллисон всхлипнула. Это был жуткий, сухой звук. Она закрыла лицо свободной рукой, пытаясь заплакать, но у призрака нет слез — только мелкая рябь «белого шума», искажающая её черты. В этот момент она осознала самое страшное: её жизнь не просто прервалась, её кто-то забрал.

Кофе на столе окончательно остыл, подернувшись тонкой пленкой. Марк и Эллисон сидели друг напротив друга, соединенные этим странным, интимным рукопожатием, которое было их единственным мостом над бездной. Но мысли их были далеки от романтики.

— Может, тебе кто-то желал зла? — Марк нарушил тишину. — Коллеги? Бывшие?

— Марк, я работала мелким клерком в банке, — Эллисон грустно усмехнулась, и её призрачный контур на миг подернулся рябью. — Ну кому я могла перейти дорогу? Я даже с клиентами почти не виделась. Разносила почту по этажам, перебирала пыльные папки и заваривала кофе начальнику. Серая мышь в огромном бетонном улье.

— А личная жизнь? — Марк старался, чтобы его голос звучал обыденно, но краем глаза внимательно следил за её реакцией. — Парень? Девушка?

— Не было времени на отношения, — она покачала головой. — Мой маршрут был коротким: дом — работа — дом. Иногда заходила за продуктами на углу. Всё.

— Черт, Эл... Да ты просто ходячая мишень для любого маньяка, — парень нервно хихикнул.

Девушка закатила глаза, но на её лице тоже промелькнула слабая улыбка. Этот черный юмор был единственным, что не давало им обоим окончательно сойти с ума.

— Ладно. Значит, врагов у тебя не было. А ничего странного не замечала в последнее время? Может, кто-то следил? Или письма дурацкие?

Эллисон прикусила нижнюю губу и задумалась, глядя на пятно света на столе. Марк смотрел на неё, не отрываясь. В его глазах отражалась та самая искра влюбленности, которую он годами прятал за стеной своей квартиры. Он любил эту её привычку — прикусывать губу, когда она пыталась решить сложную задачу или просто мечтала. Сама Эллисон этого не замечала при жизни, и уж тем более не осознавала сейчас.

— Я вспомнила одну странность, — тихо начала Эллисон. — Помнишь то мартовское похолодание?

Марк кивнул, не прерывая контакта. В памяти всплыли колючий ветер с залива и промерзший город.

— Когда я выходила из «Ладро», — Эллисон нахмури-

лась, — я увидела на той стороне улицы типа. Странного. Он стоял и смотрел на меня.

— Психов в городе хватает, Эл, — Марк пожал плечами.

— От этого психа шел пар, — прошептала девушка.

— Пар? В смысле, он стоял на канализационном люке?

Как в каком-нибудь дешевом нуаре?

— Нет. Капли дождя испарялись, едва касаясь его. Пар шел от него самого, понимаешь? И он был в одной рубашке. Ни куртки, ни свитера, хотя я сама куталась в пальто. А еще... — она сделала паузу. — Его глаза. Казалось, они впитывают в себя... всё. Весь свет, все звуки.

Она посмотрела на Марка, и он понял, о чем она. Он видел то же самое в её глазах прямо сейчас — эту призрачную пустоту, вывернутую наизнанку. Но он промолчал.

— Он надел очки, как только понял, что я его заметила, и ушел в переулок. А я пошла на работу и постаралась об этом забыть.

— Звучит жутко, — выдохнул Марк. — У меня даже мурашки по рукам побежали.

— Марк! Я серьезно!

— Так и я не шучу, — он посуровел. — Жуткий тип. Понятно, почему ты его запомнила. Больше ты его не видела?

— Не помню. Кажется, нет.

— В полицию с таким не пойдешь. Для них ты — «несчастный случай», закрытая папка.

— И что же нам делать? — в голосе Эллисон слышалось

отчаяние.

— Для начала? Я заварю себе еще чашку кофе, потому что меня морозит так, будто я сам уже наполовину в море. Потом я еще пару раз плохо пощучу, а после...

Он встал, чувствуя, как голова на мгновение поплыла, а мир вокруг качнулся. Марк списал это на стресс. Он заварил себе вторую порцию, сжимая кружку обеими руками, пытаюсь согреть онемевшие пальцы. Пар от кофе бил в лицо, но внутри всё равно оставался этот противный холод.

— Давай сначала сходим в твою квартиру? — он обернулся к ней. — Только не отвечай вслух. Просто кивни, если согласна.

Эллисон улыбнулась и кивнула.

— Знаешь, нам стоит выучить язык жестов, — добавил Марк с вымученной усмешкой. — Чтобы не держаться за руки каждую секунду и общаться на расстоянии.

— Ш-ш-ш-ш... — Эллисон показала большой палец вверх.

— Вот. Отлично. Мы начали находить общий язык, — Марк подмигнул и вскинул руку, имитируя пистолет.

Эллисон хихикнула, и от этого звука у Марка на душе стало на секунду теплее. Но боль под ребрами никуда не делась, а пальцы в свитере оставались холодными, как лед в стакане виски.

Они поднялись на четвертый этаж. В этот раз Марк подготовился — натянул кроссовки и самые толстые шерстяные

носки, какие нашел в шкафу. Парень по привычке нажал на ручку квартиры, но металл не поддался. Дверь была заперта наглухо.

— Кстати, Эл... — Марк обернулся к ней. — А почему утром, твоя дверь была открыта?

Эллисон замерла, глядя на запертый замок. Она медленно положила руку ему на плечо, и в голове Марка снова зазудело от помех, сквозь которые прорвался её голос:

— Это невозможно, Марк. Я всегда запираю дверь на защелку. Сразу, как вхожу. Я ведь живу одна, привычка доведена до автоматизма.

— Но когда я пришел, ручка просто провернулась. Еще одна «случайность» в копилку твоего инфаркта.

— Я храню запасной ключ в почтовом ящике, — прошептала она, хмурясь. — Вечно их теряю или забываю внутри. У тебя длинные пальцы, Марк... думаю, ты сможешь его выудить, не ломая замок.

Они спустились обратно к рядам почтовых ящиков. В тусклом свете подъезда Марк оттянул край металлической дверцы. Щель была узкой, края металла больно впивались в кожу. Онемевшими, почти не слушающимися пальцами он долго возился в пыльном нутре ящика, пока не нащупал холодный металл ключа.

— Ага! — он торжественно выпрямился, зажимая добычу двумя пальцами. — Есть! Победа!

Марк широко улыбнулся, глядя на Эллисон. В этот мо-

мент он выглядел как мальчишка, который только что выиграл главный приз в тире.

— И откуда только в тебе столько энергии и оптимизма?

— Эллисон смотрела на него с нескрываемым удивлением.

— Честно? Сам не знаю, — Марк пожал плечами, пряча ключ в ладонь. — Мне кажется, так на меня действует твое присутствие. Пытаюсь произвести на тебя впечатление, пока есть шанс.

Он неловко засмеялся, но Эллисон не поддержала его шутку. Наоборот, она как-то сразу помрачнела.

— Пойдем уже? — тихо сказала она.

В этот момент мимо прошел сосед. Он остановился на секунду, с подозрением оглядывая Марка, который стоял один в пустом коридоре и разговаривал с почтовым ящиком. Пауза затянулась, сосед сплюнул и ускорил шаг.

— Он тебя не видел? — шепнул Марк, не оборачиваясь.

— Мне кажется, Марк, что в этом мире меня можешь видеть только ты. Только ты меня... чувствуешь.

Парень передернул плечами, сбрасывая липкое ощущение жути. Ему было плевать, что думает сосед. Плевать, если весь Сиэтл сочтет его психом. Главное, что ключ в его кармане был настоящим. И Эллисон, какой бы прозрачной она ни была, тоже была здесь.

Глава 5

Я быстро натянул джинсы — грубая ткань на этот раз не проскользнула сквозь бедра — и сорвался с места. Я не стал ждать лифт. Я бежал вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, чувствуя, как искусственное тепло в груди греет мои призрачные легкие.

Дождливый Сиэтл встретил меня темнотой и запахом мокрого бетона. Улица была пуста. Город спрятался за закрытыми дверями, уткнувшись в экраны сериалов — в ту жизнь, которой я лишился пару часов назад. Теперь я стоял под холодным ливнем, одетый в чужие штаны, с чужим сердцем в груди.

Одинокая машина разрезала шинами лужи и скрылась за поворотом, оставив меня один на один с пустой улицей. В паре кварталов ниже полыхала вывеска бара «Юпитер» — куда я заходил топить свои тоскливые будни. Я сорвался на бег. Дождь хлестал по голой груди, но я не чувствовал холода — я чувствовал, как внутри меня медленно гаснет украденная «искра».

Ярко-синий неон вывески превращал граффити на стенах в ожившие галлюцинации, но мне было плевать на искусство. Я толкнул тяжелую дверь. Внутри было тепло, пахло старым деревом и бурбоном, а из колонок лениво вытекал тягучий, как патока, джаз.

— Приятель, мы уже закрыты. Заходи завтра, ок? — Девушка за стойкой даже не подняла головы, что-то сосредоточенно печатая в терминале.

Музыка захлебнулась и стихла. В наступившей тишине звук моих босых ног по доскам пола казался оглушительным. Она подняла взгляд, и её брови поползли вверх.

— Ты чего такой потрепанный? Еще и голый наполовину. На дворе не июль, парень.

— Меня обокрали... там, в переулке, — мой голос прозвучал как шелест сухой листвы. — Спасибо, что хоть штаны оставили. Зашел погреться на минуту. Я уже ухожу.

В голове лихорадочно бился один вопрос: зачем? Зачем я пришел туда, где меня помнят живым? Может, я искал сочувствия? Или просто хотел напоследок услышать джаз?

— Ладно. Я сегодня добрая, — она вздохнула и бросила куртку на спинку стула. — Один шот за мой счет. Согреешься и пойдешь сдаваться копам. — Она повернулась к полкам, звякнув бутылками. — Завтра придешь в нормальное время и расскажешь свою историю. Я собираю такие байки для своей коллекции. Я Эдди, кстати.

Она поставила стопку перед моим лицом и замерла, ожидая, что я назову свое имя. Имя, которое теперь принадлежало трупу на асфальте.

И в этот миг до меня дошло. Я пришел сюда не за джазом. Не за выпивкой. Меня вела нечеловеческая жажда. Голод, который выжигал всё изнутри, требуя тепла, чтобы просто

продолжать существовать. Я смотрел на Эдди, на пульсирующую жилку на её шее, и чувствовал, как моя «искра» внутри заходится в предсмертном танце.

— Сходил бы ты к врачу, парень. Вид у тебя нездоровый. А от взгляда мурашки по коже... — Эдди накрыла стопку ладонью, прерывая мой затянувшийся гипноз. — Тебя по голове не били? Может, сотрясение? При нем пить нельзя, станет только хуже.

Я накрыл её руку своей. Это было нагло, совсем не в моем стиле — при жизни я был из тех, кто боится даже случайного касания в лифте. Но сейчас я искал тепла ее тела.

— Спасибо за заботу, Эдди, — прошептал я, вглядываясь в её лицо.

Я сосредоточился, пытаюсь вытянуть из неё хоть каплю золотого тепла, что согревало её изнутри. Но ничего не произошло. Пустота в моей груди не шелохнулась. Она прищурилась, в её глазах мелькнула тень подозрения, и она убрала руку. Обычного касания рук было мало — жизнь не желала перетекать в меня так просто. Всё оказалось сложнее: мое новое тело требовало настоящей борьбы или полного подчинения жертвы. Придется учиться охотиться.

— Хотя... ты права, — я отстранился, чувствуя, как внутри снова начинает зудеть холод. — Может, и сотрясение. Не буду рисковать.

— В общем, — она закашлялась, поправляя воротник блузки, — давай, топай отсюда. В полицию иди или в боль-

ницу.

— Спасибо, что дала согреться, — я поднялся. Бар «Юпитер» с его джазом и неоном внезапно стал мне тесен.

Я уже взялся за дверную ручку, когда она бросила мне в спину:

— И глаза проверь. Цвет у них... странный.

Я не обернулся. Только поднял руку в прощальном жесте, стараясь, чтобы мои движения выглядели плавными, человеческими. Сиэтл встретил меня ледяным дождем. Из-за туч не было видно ни луны, ни звезд — небо было таким же серым и мертвым, как и моё новое существование.

Идти было некуда. Домой не попасть. Друзей, которые пустили бы «пожить», у меня никогда не было, а коллеги по работе... они бы не узнали меня без очков и с этим ледяным взглядом. А время тикало. Мой «заряд» испарялся с каждым шагом. Я понимал: скоро я перестану чувствовать вес собственных ног, а мысли снова превратятся в невнятный шум. Мне нужна была постоянная подпитка.

Я тратил последние крупинцы тепла на то, чтобы просто не потерять штаны. Глупо. Логика кричала, что я цепляюсь за старую тряпку, как покойник за гроб, но эти джинсы были единственным, что связывало меня с миром живых. Последняя соломинка над пропастью.

Мне нужно было место, где я мог бы оставить их и разволотиться, сохранив остатки энергии для чего-то более важного, чем имитация приличий.

Ноги сами привели меня обратно. Серая бетонная коробка, одна из тысяч в этом городе. Я задрал голову, провожая взглядом бесконечные ряды окон, и остановился на крыше. Пожарный выход. В таких домах его редко запирали — всем было плевать.

Домофон на входе сдох еще в прошлом десятилетии, лифт работал со скрипом, который был слышен в соседнем квартале. Лестница — слишком долго. Каждая секунда ходьбы сжигала мой заряд.

Внезапно я перестал чувствовать большой палец на левой руке. Я посмотрел вниз: он просто исчез, растворился в ноябрьском воздухе. Паника ударила в голову. Я начал лихорадочно тыкать в кнопку вызова лифта. Что будет, если я исчезну прямо в кабине? Провалюсь сквозь пол в шахту или останусь висеть пылью, дожидаясь утра и первого жильца, решившего поехать на работу?

Двери ползли вечность. Я буквально ввинтился внутрь и снова начал бить по кнопке верхнего этажа. Нервы сдавали. Эмоции поглощали скудные запасы энергии быстрее, чем движение. «Тихо. Дыши... хотя тебе это и не нужно», — приказал я себе.

Я сосредоточился на левой руке. Если я не могу её удерживать, я её отпущу. Я позволил ей развоплотиться полностью. До самого плеча теперь была пустота — ни тканей, ни костей, ничего, что мог бы уловить живой глаз. При жизни я никогда не испытывал ничего подобного. Это было жутко,

но в то же время... захватывало дух. Какая ирония: всё самое интересное в моей жизни началось только после того, как она закончилась.

Энергии, освобожденной от развоплощенной руки, хватило на лишние двадцать секунд — достаточно, чтобы лифт с натужным стоном дотащил меня до последнего этажа. Каждая крупница тепла была на вес золота.

Коридор встретил меня могильной тишиной. Только через пару секунд сработал датчик движения, и над головой с сухим треском вспыхнула одинокая лампа. Жильцы здесь были экономными.

На последнем этаже почти никто не жил. Застройщик в свое время схалтурил, сэкономив на звукоизоляции крыши, и теперь любая прогулка голубя над головой отзывалась в квартирах грохотом кавалерийской атаки. В свое время я повелся на низкую цену аренды, но выдержал всего две недели этого птичьего ада, прежде чем доплатил и съехал ниже. Никогда не советовал бы повторять этот эксперимент живым, но мертвому мне это сослужило добрую службу.

Именно тогда я и узнал про выход на крышу. Соседи вечно бегали туда распугивать птиц, поэтому замок давно сорвали. Дверь просто обязана была быть открыта. Так и оказалось. Сквозь узкую щель до меня донесся мерный, гипнотический перестук дождя по гудрону.

Чтобы толкнуть тяжелый металл, мне пришлось снова вернуть плоть руке, но цена оказалась высокой. Я пожертво-

вал правой ногой — она мне никогда не нравилась.

Штанина мгновенно обмякла и повисла в воздухе, внутри неё теперь не было ничего, кроме холодного ноябрьского сквозняка. Перекачивать энергию в центр, к этой крохотной искре в груди, было куда проще, чем заставлять материю обретать форму. Правая рука быстро «отросла» из плеча, а я, нелепо подпрыгивая на одной ноге, выбрался на крышу. Опершись плечом о косяк, я осторожно прикрыл за собой дверь, оставив едва заметную щель. Меньше всего мне хотелось застрять на этой высоте без единого шанса на спуск.

Рука исчезла мгновенно, а вот нога возвращалась нехотя, медленно, и на пальцы энергии уже не хватило — ступня осталась тупой, обрубленной культей. Лампочка над дверью пожарного выхода перегорела, и в этой части крыши царил тишина.

Мне везло. Я мог спокойно выбрать место для своей «закладки». Нужно было учесть всё: случайных курильщиков, вездесущих голубей и этот проклятый бесконечный дождь.

Недалеко от входа я заметил деревянную тумбу, но на ней стояла пепельница, полная размокших окурков — значит, здесь бывают люди. Рядом темнел металлический ящик, к которому тянулись связки проводов. Электрощиток. Он был заперт на спецключ, но я знал этот замок — такие вскрываются любой тонкой пластинкой или старой кредиткой. И тут мне в голову пришла идея, которая потребовала от меня полной концентрации.

Я добровольно отказался от плотности. В ту же секунду звуки и цвета вымыло из реальности, мир вокруг стал серым, плоским и тусклым. И вот теперь, своими мертвыми глазами, я увидел свою истинную форму. На мне была та же рабочая одежда докера, в которой я встретил смерть на асфальте. В физическом же мире соседские штаны бесшумно упали на гудрон, превратившись в пустую тряпку.

Я просунул призрачную руку сквозь тонкий металл дверцы и сосредоточился на одном указательном пальце.

Я снова почувствовал это — яростное сопротивление самой вселенной. То, что я пытался сделать, было физически противоестественно, пространство вокруг пальца словно загустело, превращаясь в бетон. Но когда палец материализовался внутри ящика, я резко ткнул вверх, туда, где нащупал язычок замка. Металлическая пластина поддалась, провернулась на девяносто градусов и замерла.

Дверца противно закрипела, открываясь под собственным весом. Видимо, петли не смазывали с момента постройки дома. Внутри ящика клубились вековые залежи пыли и мусора. Глядя на этот хаос из оголенных проводов и грязи, я удивился, как здесь до сих пор не случилось короткого замыкания.

Я попытался дунуть на вековую пыль, но ничего не произошло. У призраков нет дыхания, как нет и легких.

Чтобы расчистить место, мне пришлось снова собирать себя из пустоты: туловище, голова, одна рука и одна нога

— тот минимум, который позволял мне взаимодействовать с реальностью, но сжигал остатки искры в груди с пугающей скоростью. Пока я вытирал пыль ладонью, я почувствовал, как мой мизинец просто растворился, превратившись в серую дымку.

Дождь тяжело барабанил по моей голой спине. Упершись лбом в холодный металл шкафа, чтобы не рухнуть на гудрон, я присел на корточки. Ладонь была грязной, и я вытер её о собственный торс. Одной рукой я кое-как свернул мокрые штаны и уложил их в щиток, на относительную чистоту.

Дверца закрылась с тем же противным скрипом, который, казалось, разнесся по всей округе. Я слегка хлопнул по металлу, и язычок замка послушно качнулся, вставая на место. Всё. Закладка сделана.

— Эй! — резкий голос разрезал тишину крыши. — Кто тут балуется?

Я рванул в сторону, теряя равновесие на одной ноге, и рухнул. В ту же секунду яркий луч фонарика вспорол темноту, проносясь прямо над тем местом, где я лежал. Но света коснулась лишь пустота. Силы окончательно покинули меня, тело развоплотилось, оставив на крыше только бестелесную тень.

Я лежал на спине и смотрел на вошедшего — пожилого мужчину в поношенной куртке. Он водил телефоном из стороны в сторону, выхватывая из ночи старый табурет, пепельницу и скомканные пачки сигарет. Луч прошел сквозь меня,

не зацепившись ни за один атом.

— Опять эти проклятые птицы. Пернатые крысы, никакого покоя от них...

Я не слышал его голоса — только монотонный белый шум, из которого мой мозг сам выстраивал слова, читая их по его недовольно поджатым губам. И тут старик сделал то, чего я, в своем высокомерии, совсем не предусмотрел.

Он наклонился, выбил из-под двери старый деревянный клин и с силой захлопнул её. Железный лязг замка прозвучал для меня как приговор. Он отрезал мне путь назад, заперев меня в клетке из дождя и ветра.

Я распластался на гудроне, раскинув руки в стороны, и уставился в бездонное черное небо Сиэтла. Ледяные капли дождя больше не барабанили по спине — они просто проходили сквозь меня, не встречая преград. Теперь у меня было полно времени, чтобы подумать.

Без физической оболочки энергия почти не расходовалась. Если задушить в себе остатки эмоций, отключить чувства, зрение и слух, можно просуществовать в этой серой коме очень долго. Долго, но не вечно. Любая искра рано или поздно гаснет, если не подкидывать в топку новые жизни.

До рассвета оставалась целая вечность. Я закрыл то, что раньше называл глазами, и позволил себе раствориться в шуме дождя.

Глава 6

Миллер не помнил, как доехал. Дождь на лобовом стекле, красные стоп-сигналы перед глазами — всё слилось в одну сплошную полосу.

Дверь в прозекторскую влетела внутрь, ударившись о стопор с металлическим звоном. Запах формалина и дешевого освежителя воздуха ударил в нос, но Джед его не заметил. Он видел только лысину Боба, склонившуюся над столом.

— Боб, ты старый маразматик! — голос Джеда отразился от кафельных стен, как выстрел. — Ты вообще смотришь, под чем ставишь свою подпись?! — Снова заливаешь глаза на рабочем месте? — Джед швырнул папку. Она проехала по столу, заваленному документами, и остановилась прямо перед носом патологоанатома.

— Пошел к черту, Миллер, — Роберт Блейк даже не поднял головы. Он открыл дело Эллисон Кларк, и его мутные глаза пробежались по строчкам. — Обычный инфаркт. Чего ты взвился, как подстреленный? Я подписываю эти бумажки пачками, даже не моргая. В тот день у меня был завал и вскрытие делал не я.

Дверь в прозекторскую тихо скрипнула. В проеме застыла девчонка. Маленькая, в белом халате, который казался ей велик на размер. Она молча разглядывала двух старых зубров, пока в воздухе висело тяжелое мужское раздражение.

— Детектив, он прав, — её голос разрезал тишину, как скальпель. — Вскрытие проводила я.

Оба мужчины обернулись. Боб болезненно поморщился и закрыл глаза ладонью, словно у него внезапно разболелась голова.

— Опять ты? Боже, Клэр... — Боб тяжело вздохнул. — Ну сколько раз я просил? Твои выходки сожрут мою пенсию раньше, чем я до неё доползу. До приказа осталось вот столько, — он сдвинул большой и указательный пальцы так, что между ними едва пролез бы волосок.

— Простите, сэр, — она смотрела на него в упор, без тени страха. — Я просто делала свою работу. За ту мизерную зарплату, которую мне здесь платят.

Миллер не сводил с неё глаз. Что-то в её позе, в этом упрямом развороте плеч было до жути знакомым. В груди противно заныло, словно старый шрам отреагировал на перемену погоды. Это был взгляд Нила. Тот же вызов, та же святая вера в то, что мир можно починить.

— Ладно, Боб, — Джед рывком забрал папку со стола. Гнев ушел, сменившись странным оцепенением. — Извини, я на взводе. Слишком много кофе и дерьмовых новостей.

Но смотрел он только на неё. На белом халате тускло блеснул пластик бейджа: «К. БЛЭЙК».

— Блэйк? — Миллер нахмурился, переводя взгляд с обрюзгшего лица Боба на острое лицо девчонки. — Вы что, родственники?

— Поздравляю, Миллер, ты всё ещё настоящий детектив,
— Боб нехотя указал на неё большим пальцем. — Моя племянница. Кость в моем горле и наказание за все мои грехи. Ну? Где она напортачила на этот раз?

Клэр громко хмыкнула — ровно так, чтобы её услышали все присутствующие. Старый патологоанатом потянулся к папке, надеясь поскорее замять дело, но Джед убрал руку.

— Всё в порядке, Боб. Просто девчонка перепутала графы, когда заполняла отчет, — Джед заставил свой голос звучать ровно, почти скучающе. Он наконец перевел взгляд на Роберта, маскируя бурю внутри привычной маской усталости. — Я задам ей пару вопросов, исправлю всё сам. Заодно познакомлюсь с пополнением. Если ты не против, конечно.

Роберт устало махнул рукой, словно отгонял назойливую муху.

— Делай что хочешь, Миллер. Может, хоть ты вложишь в её голову немного ума, потому что моё терпение официально кончилось, — Боб наклонился ближе, и Джед уловил кислый запах перегара. — Только не наседай на неё слишком сильно, ладно? Она всё-таки семья, — закончил он тише.

Джед выдавил подобие улыбки. Перед глазами на миг всплыл тот самый первый день, когда ему в напарники всучили Нила. Воспоминание кольнуло под ребрами, заставляя Миллера посуроветь. Он тяжело хлопнул старого приятеля по плечу.

— Просто пара уточнений для рапорта, старик. Не пере-

живай.

Нил тоже был занозой в заднице. Он лез куда не просят, бодался с капитаном и верил в справедливость так неистово, что это пугало. Тот самый упрямый наклон головы, когда он собирался выдать очередную чушь или — что случалось реже, но всегда в точку — гениальную идею, спасавшую всё дело.

Джед увидел это в Клэр по одному её движению.

Клэр уже набрала в легкие воздуха, чтобы выплеснуть гнев в лицо дяде или этому наглому детективу, но Миллер её опередил.

— Пойдемте, мисс Блэйк. Я покажу вам, как правильно заполнять бумаги, чтобы нервные копы не врывались сюда и не орали на бедного Роберта в будущем.

Он кивнул в сторону рядов стальных холодильников, где в стерильной тишине покоились те, кому уже некуда было спешить. Миллер бывал здесь так часто, что ориентировался в этом лабиринте смерти лучше, чем у себя в гостиной. В холодном, бьющем сверху свете ламп его темная кожа отличалась литой бронзой.

— Это вовсе не чушь! — Клэр снова вскинула подбородок, едва они отошли на пару шагов. — И это не первое мое вскрытие!

Джед вздрогнул от этого жеста, как от пощечины. Образ Нила стоял перед глазами так ярко, что на секунду перехватило дыхание. Он стиснул челюсти, загоняя призраков про-

шлого обратно в подвал сознания.

— Просто покажите мне то, что нашли, мисс Блэйк, — его голос стал сухим и жестким. — А чушь это или нет, решать буду я.

Клэр молча протянула руку. Джед отдал ей дело Эллисон Кларк. Она быстро пролистала страницы, добравшись до самого конца — туда, где были прикреплены фотографии. Снимки сердца, гистология и увеличенные кадры образцов крови.

— Вот, взгляните, — она ткнула пальцем в фотографию, сделанную под микроскопом. В её глазах горел холодный научный азарт. — Видите это? Структура белка изменена. И это, детектив, никакой не инфаркт.

Миллер забрал папку. Его пальцы, привыкшие к тяжести рукоятки пистолета, теперь осторожно держали глянцевые снимки, до которых он не добрался в участке. В этих серых пятнах и резких тенях было что-то до жути знакомое, что-то, что заставляло волосы на загривке встать дыбом.

— Что значит «не инфаркт»? — голос Джеда прозвучал глухо в пустоте прозекторской. — На теле нет ни одной царапины. Никаких следов насилия.

— На теле — да, — Клэр выделила это «на», словно подчеркивая очевидную глупость его слов. — Но посмотрите на кровь. Она не свернулась, детектив. Она кристаллизовалась.

— А если проще? — Миллер перевернул снимок сердца. На обороте, мелким, почти бисерным почерком было выве-

дено: «Естественные причины?».

— Проще говоря, её заморозили.

Миллер выдавил короткий, сухой смешок, который больше походил на кашель. Но Клэр не улыбалась.

— Её заморозили изнутри, — продолжала она, наступая.
— Мгновенно. Словно кто-то впрыснул в её вены жидкий азот. По всему телу. Одновременно. И сердце просто не выдержало.

Джед поднял взгляд. Он навис над ней, как исполинский дуб, выросший среди бетона, черный и непоколебимый. Любый другой на её месте уже попятился бы, но Клэр не дрогнула. Она смотрела прямо на него, и в её глазах не было страха — только упрямый вызов.

— Зачем ты вообще полезла в гистологию? — спросил он. — Лишние анализы, трата бюджета. Ты понимаешь, что подставляешь Боба?

Клэр на мгновение смутилась. Она отвела взгляд и принялась поправлять волосы — жест, который на секунду выдал в ней ту самую девчонку, которой она была за пределами этого царства трупов.

— Посмотрите на фото сердца, детектив. Видите этот странный будто стеклянный блеск на клапанах? Это аномалия. Так быть не должно.

И тут Миллер вспомнил. Этот блеск... он уже видел его. Не в учебниках и не в гребаных журналах. Он видел его в другой папке, которую перелистывал по ночам до тех пор,

пока буквы не начинали плыть.

— Никому ни слова, — Джед захлопнул папку. — Молчи, если хочешь сохранить работу.

Он резко развернулся и зашагал к выходу, чеканя шаги по кафелю.

— Если продолжишь отнимать время детективов своей ерундой, тебя не спасет даже Роберт Блейк. Учись у дяди закрывать глаза в нужный момент, и, может быть, ты протянешь здесь так же долго, как и он.

Он не оборачивался, но кожей чувствовал её взгляд. Клэр провожала его молча, прищурившись и до крови прикусив нижнюю губу. Она поняла, что он лжет.

Миллер вернулся в участок быстрее, чем ехал в морг. Он гнал свой побитый «Форд» по улицам Сиэтла, не глядя на светофоры и не считая штрафы, которые наверняка уже летели в его базу. В ушах всё ещё звенел голос Клэр Блэйк: «Её заморозили изнутри...»

Он пролетел мимо стойки дежурного, не ответив на приветствие, и рухнул в свое скрипучее кресло. Руки слегка подрагивали. Джед выдвинул самый нижний ящик стола и достал оттуда единственную папку. На её обложке синела всё та же казенная печать «ЗАКРЫТО», но здесь она была не просто штампом — Джед перечеркнул её ручкой столько раз, что бумага в этом месте почти прорвалась.

Детектив задержал дыхание, словно собирался нырнуть в

ледяную воду залива, и открыл дело.

С первой страницы на него смотрел Нил. Нил Хилл. Тридцать два года. Холост. Улыбка на фото была такой живой, что Миллеру на секунду показалось, будто в участке стало чуть светлее. Но это было лишь эхо.

Джед быстро, почти грубо пролистал страницы, пропуская сухие отчеты и протоколы допросов, в которых не было ни слова правды. В самом конце, прижатая к задней обложке, лежала всего одна фотография. Боб тогда торопился на свидание с очередной бутылкой, поэтому не стал заморачиваться с гистологией или глубокими анализами крови.

Там был лишь один снимок. Фото остекленевшего сердца его лучшего друга.

Миллер поднес снимок к самому лицу. В тусклом свете офисных ламп на клапанах сердца Нила отчетливо проступал тот же самый аномальный, холодный блеск. Тот же «стеклянный» налет, который он только что видел в деле Эллисон Кларк.

Джед медленно закрыл глаза. Теперь он не считал до десяти. Он просто слушал, как в наступившей тишине участка его собственное сердце бьется тяжело и медленно, словно внутри него тоже начал расти лед.

Он не сошел с ума. Он был прав с самого начала.

Джед упал в просиженное кресло своего «Форда» и по привычке, которую ненавидел, ткнул пальцем в магнитолау.

Из хриплых динамиков вырвался вокал Nickelback. Это была любимая группа Нила. Миллер поморщился, как от зубной боли, и убавил звук, но выключать не стал. Ему нужно было, чтобы кто-то орал в этой тесной консервной банке вместо него.

Он выжал газ, направляясь к дому Эллисон Кларк. В голове, словно заезженная пластинка, крутились слова Клэр. Кристаллизация. Обратная энтропия. Заморозка изнутри. Что это, черт возьми? Новый синтетический наркотик? Вирус, выведенный в секретной лаборатории? Или яд, который не оставляет следов, кроме этого проклятого стеклянного блеска?

Джед верил своему чутью. Оно вело его по следу, когда все остальные в участке уже давно уткнулись в пончики и отчеты. Он знал, что Нил не просто «сгорел». Он чувствовал это тем днем, когда напарник остывал у него на руках. И спустя долгие месяцы тишины у него наконец-то появился след.

У подъезда не было желтых лент и патрульных машин. Смерть Эллисон никого не взволновала — обычный инфаркт в ванной, статистическая погрешность. Управляющий домом выдал ключи с таким видом, будто Миллер собирался вынести из квартиры столовое серебро, а не искать улики.

На четвертом этаже воздух стал другим. Вязким. Холодным. Джед остановился у двери квартиры и достал из кармана потертую «Зиппо» Нила.

— Ну что, напарник? Он здесь, верно? — прошептал

Миллер в пустоту коридора.

Он чиркнул кремнем. Раз. Два. Три. Искра была, но пламя не рождалось, словно кто-то невидимый высасывал из воздуха весь кислород.

— Хм... — Джед убрал зажигалку.

Дверь оказалась не заперта. Маленькая пломба на замке была сорвана. Он медленно достал из кобуры «Глок». Металл приятно охлаждал ладонь. Миллер толкнул дверь носком ботинка и вошел, двигаясь бесшумно, как тень. Из глубины квартиры доносился голос. Какой-то парень в ванной комнате разговаривал с пустотой.

— Вот ты и попался, мразь, — прошипел Джед сквозь зубы.

Он резко выскочил из-за угла, вскидывая пистолет. Мушка замерла прямо между глаз незнакомца.

— РУКИ! ТАК, ЧТОБЫ Я ИХ ВИДЕЛ! ЖИВО! — рявкнул он, и его голос отразился от кафельных стен, как гром.

Парень выглядел так, будто только что увидел дьявола. Он судорожно разжал ладонь, словно выпускал что-то невидимое, и вскинул руки вверх. Его глаза напоминали два чайных блюдца, а кожа была бледной, как у утопленника.

Миллер достал из-за пояса наручники. На его лице промелькнула хищная улыбка. Зацепка и подозреваемый в одном флаконе.

— Кажется, сегодня мой счастливый день, сынок, — пробасил Миллер, сокращая дистанцию.

Глава 7

Они вернулись на четвертый этаж. Марк вставил ключ в скважину, но металл уперся в невидимую преграду.

— Нужно толкнуть дверь чуть вперед, — подсказала Эллисон, её голос прошелестел в его голове, как сухая листва. — Замок старый, его часто заедает.

Марк навалился плечом на крашеное дерево и с коротким щелчком провернул ключ. Дверь послушно отворилась, с негромким хрустом разрывая бумажную полицейскую пломбу. Марк замер в проеме, придерживая дверь, пока Эллисон не скользнула внутрь.

— Вот, видишь? — она указала на внутреннюю защелку. — Это тяжелый засов. Его можно закрыть и открыть только изнутри. И я не могла про него забыть. Это был мой ритуал безопасности.

Марк наклонился к замку. Металл блестел в тусклом свете коридора, на нем не было ни вмятин, ни царапин от отмычек.

— Знаешь... — парень повернул голову.

Их лица оказались всего в паре дюймов друг от друга. Он видел каждую ворсинку её призрачных ресниц, чувствовал холод, исходящий от её кожи, который теперь казался ему странно притягательным. Одно неосторожное движение — и их губы соприкоснулись бы в ледяном, невозможном поцелуе.

Эллисон резко отстранилась, выпрямляясь. Воздух между ними словно наэлектризовался.

— Кхм... В общем, я не вижу следов взлома, — Марк прочистил горло, стараясь вернуть голосу твердость. — Я не эксперт, но похоже, дверь либо открыли отсюда, либо... либо ты всё-таки забыла её запереть.

Эллисон скрестила руки на груди, упрямо качая головой. Она выглядела смущенной, но в её глазах застыла твердая уверенность жертвы, которая помнит последний щелчок замка.

— Я тебе верю, — добавил он, выпрямляясь. — Но для полиции здесь по-прежнему пусто. У них нет состава преступления.

Они двинулись вглубь квартиры. Марк намеренно отвел взгляд от распахнутой двери ванной, где еще недавно в ледяной воде плавали розовые волосы. Они прошли в гостиную — комнату, где время замерло за секунду до катастрофы.

— Здесь я увидел тебя во второй раз, — Марк обернулся. — Там, у окна. Было чертовски больно, когда ты коснулась моей груди.

Эллисон одними губами прошептала «Прости». Её образ на мгновение подернулся рябью, как отражение в потревоженной воде.

— Я так перепугался в тот раз, что просто выключился, — Марк заставил себя улыбнуться, хотя внутри у него всё сжалось.

Он уже начинал догадываться. Тот обморок не был простым испугом.

— Не очень-то похоже на образ героя из комиксов, да? — он снова хихикнул.

Эллисон подошла ближе и мягко коснулась его плеча. Холод прошел его до костей, но он даже не вздрогнул.

— Ты не убежал, Марк. И ты не бросил меня одну в этой темноте. Для меня ты — самый настоящий герой.

Марк начал поднимать руку, желая коснуться её щеки, убрать призрачную розовую прядь с лица, но на полпути его пальцы дрогнули. Он передумал. Вместо этого он просто неловко махнул рукой в сторону спальни.

— Пойдем дальше. Мне кажется, любой на моем месте поступил бы так же, — Марк буркнул это, стараясь скрыть, как сильно его задела её слова. — Но здесь... в этой комнате тоже всё в порядке? Всё на своих местах?

Эллисон молча кивнула, и они шагнули к спальне. Дверь была приоткрыта, словно приглашая войти. Плотные шторы на окнах отсекали дневной свет, погружая комнату в вязкий полумрак, пахнувший лавандой и чем-то неуловимо девичьим.

— Ты ведь не против? — Марк замер на пороге, вопросительно взглянув на Эллисон. Он чувствовал, что заходит в святая святых, куда при жизни ему не было входа.

— Ой, пойдем уже. Тут нет ничего такого, — Эллисон нетерпеливо «залетела» в комнату, пройдя через открывшу-

юся дверь. Она машинально потянулась к выключателю, но её призрачные пальцы лишь беспомощно прошили стену. Она замерла, глядя на свою руку.

— Вот. Я помогу, — Марк мягко щелкнул клавишей.

В этот момент их руки случайно соприкоснулись на стене — живая плоть и ледяной туман.

— Я чувствую себя такой... беспомощной, — её голос в его голове едва заметно дрогнул.

— Не переживай. Я буду твоими руками, Эл. Просто говори мне, куда смотреть и что делать.

— Спасибо. Мне всё ещё тяжело... смириться, — она опустила голову, пряча лицо в тени розовых волос, и медленно отлетела к окну, подальше от кровати, которая теперь казалась ей чужой. — А что мы вообще тут ищем?

Марк не ответил. Проходя мимо комода, он не сводил взгляда с её поникшей фигуры и случайно зацепил локтем тяжелый том, лежавший на краю. Книга сорвалась вниз, и из её страниц, кружась, выпорхнули два картонных прямо-угольника. Они медленно парили в воздухе, как лепестки весенних цветов, пока не коснулись ковра.

Эллисон резко обернулась на звук. Увидев, что Марк подбирает раскрытую книгу и то, что из неё выпало, она запаниковала. Она рванулась к нему, но её призрачное тело двигалось в вязком киселе реальности с той же неизменной, неспешной скоростью. Она вытянула руку вперед, её рот раскрылся в беззвучном крике «НЕТ!», но Марк был вне зоны

контакта.

Он не слышал её. Он уже просматривал записи книги, а затем перевел взгляд на билеты. В этот момент Эллисон наконец долетела до него, и он медленно повернул к ней голову. Его глаза были полны такого сочувствия, что это было больше любого холода.

— Ты хотела пригласить меня на свидание? — голос Марка дрогнул.

Эллисон в смущении закрыла лицо ладонями. Она купила эти билеты на концерт еще месяц назад, и каждое утро, видя его у почтовых ящиков, она обещала себе: «Сегодня. Я просто подойду и спрошу». Но каждый раз слова застревали в горле, а билеты так и оставались лежать между страниц дневника, превращаясь из пропуска в мечту в бумажное надгробие её нерешительности.

Марк осторожно, словно боясь причинить боль бумаге, закрыл книгу. Теперь он знал, что это был её личный дневник — святая святых, куда он только что вторгся без спроса. Он положил том на комод, но билеты оставил в руке, чувствуя их тонкие грани. Он нежно коснулся её локтя, восстанавливая связь.

— Прости, Эл. Я не знал. Обещаю, я больше не открою ни одной страницы.

Эллисон медленно опустила руки, её глаза были полны печали.

— Я однажды слышала музыку из твоих наушников...

— прошептала она. — Ты возвращался домой и так забавно подпевал, думая, что тебя никто не видит.

Марк невольно рассмеялся, и на мгновение тень неловкости отступила.

— Да, есть у меня такая дурная привычка. Орать припевы, когда в ушах наушники.

— А потом я увидела рекламу их концерта и купила билеты. Хотела... хотела позвать тебя.

— Мой план был куда банальнее, — их взгляды встретились, и в этом застывшем воздухе спальни Марк почувствовал такую острую вспышку нежности, что у него перехватило дыхание. — Я просто хотел пригласить тебя на кофе.

— Но так и не решился, — закончила она за него.

— Но так и не решилась, — эхом отозвался он.

Они рассмеялись, и этот смех на секунду прогнал холод из комнаты. Но за смехом пришла тишина, еще более тяжелая. Марк отвернулся и, стараясь сделать это незаметно, спрятал билеты в карман джинсов. Они жгли ему бедро сквозь ткань.

— Эллисон, а ты описывала того странного типа в своем дневнике?

— Да. Я писала о том случае. Ты... ты хочешь отдать мой дневник полиции?

— Одного описания мало, Эл. Детективам нужны факты, а не девичьи страхи на бумаге. Но это уже зацепка. Мы на верном пути.

Марк отстранился, и контакт разорвался. Он чувствовал

себя выпотрошенным. Внутри него бушевал шторм: он хотел схватить её, прижать к себе, закричать, что всё будет хорошо, что они еще пойдут на этот чертов концерт... Но ложь застревала в горле. Он смотрел на её полупрозрачный силуэт и понимал: между ними не просто воздух, а непреодолимая пропасть. Его любовь теперь была похожа на попытку согреть руками ледяную скульптуру — чем сильнее он её обнимал, тем быстрее она могла растаять.

— Ш-ш-ш-ш! — белый шум в его голове внезапно усилился, превратившись в яростное шипение.

Марк резко обернулся. Эллисон не просто стояла — она металась, что-то кричала, её лицо исказилось от внезапного осознания. Она яростно указывала на изящную деревянную шкатулку, стоявшую на прикроватной тумбочке.

Парень подошел ближе и коснулся руки Эллисон. В этот раз, как и в каждый предыдущий, его ладонь прошила электрическая искра, от которой заныли зубы. Девушка этого не чувствовала — она была слишком поглощена своей потерей.

— Моя подвеска... она пропала! — выдохнула она прямо в сознание Марка. — Я храню её только в этой шкатулке, всегда снимаю перед сном. Я точно помню, как положила её сюда вчера вечером, а теперь... там пусто.

— И даже если бы ты решила пойти в ванную посреди ночи... — начал Марк.

— То я бы точно её не надела, — Эллисон отвела взгляд, и её рука произвольно легла на грудь, в то место, где раньше

покоился камень. — Маленький изумруд в золотой оправе. Подарок мамы. Это... это было всё, что у меня от неё осталось.

Марк аккуратно, стараясь ничего не сдвинуть, перебрал оставшуюся в шкатулке бижутерию. Дешевые серьги, пара тонких колец — всё было на месте. Не хватало только самого ценного.

— Если её забрал тот, кто был здесь, — Марк почувствовал, как по спине пробежал холод, — то это именно тот след, который нам нужен. Вещдок, который убийца унес с собой. Трофей.

Эллисон согласно кивнула, хотя её призрачное лицо стало бледнее обычного. Марк выпрямился и в раздумьях почесал подбородок. Жесткая утренняя щетина неприятно колола пальцы — сегодня ему было не до бритья.

— Только нужно всё продумать, Эл. Чтобы меня не приняли за психа... или, что еще хуже, за твоего убийцу. У легавых логика простая: кто нашел, тот и виноват.

— Марк... я еще что-то чувствую здесь, — прошептала она, и её голос стал тоньше. — Почувствовала сразу, как мы вошли.

— Что именно? — он посмотрел ей в глаза и увидел в них настоящий, животный страх.

— Не знаю. Мне жутко. Кажется, я что-то вижу, но не могу подобрать слов. Прямо здесь... — она указала дрожащей рукой на свою кровать.

Марк отпустил её ладонь. Он присмотрелся к постели, сощурился, пытаясь разобрать детали в полумраке спальни, но не увидел ничего, кроме смятого одеяла. Тогда он медленно присел на корточки у края кровати и снова протянул Эллисон руку. Как только пальцы соприкоснулись и искра восстановила связь, картинка перед его глазами дрогнула и изменилась.

Теперь он видел «их». Крошечные, черные, как паутина, трещинки в самой ткани реальности. Они покрывали всю кровать, переплетаясь в такой сложный узор, что сначала он принял их за причудливый рисунок на простынях. Но это не был рисунок. Эпицентр этого разлома находился точно там, где должна была лежать Эллисон — по контурам её тела, запечатленным в измятой ткани. Мир вокруг подушки выглядел так, словно по нему ударили молотком, превращая пространство в битый фарфор.

— Смотри, Элли. Видишь эти трещинки? — Марк указал на «шрамы» на простыне.

Девушка медленно опустилась на колени рядом с ним. Она словно замороженная потянулась к одной из черных линий. В ту секунду, когда её призрачный палец коснулся разлома, в голове Марка рванул гром тысячи одновременно ударивших молний. Сознание едва не вылетело из черепа. Эллисон кричала совсем рядом, но парень оглох. Контакт разорвался в тот же миг — и это, возможно, спасло Марку жизнь.

Девушка замерла с запрокинутой головой, её рот застыл в

беззвучном крике, а тело начало стремительно превращаться в бесформенный серый туман, теряя очертания.

— Эллисон! — Марк рванулся к ней, но его руки лишь беспомощно прошили пустоту.

Она осела на пол, становясь почти прозрачной. Марк склонился над ней, боясь даже дышать. Он нежно, едва касаясь, положил ладонь на её лицо. Кончики пальцев привычно прошила искра, а в груди снова расцвела тупая, тянущая боль. Но Эллисон открыла глаза. Её взгляд прояснился, в нем плескались растерянность и горе.

— Это было ужасно. Я как будто... снова умерла, — она всхлипнула, содрогаясь всем своим эфемерным существом. — Пожалуйста, Марк... давай уйдем отсюда? Прямо сейчас.

Парень поднялся, протягивая ей руку, но их пальцы не встретились — они были слишком истощены этим «ударом». Он тяжело вздохнул, ожидая, пока она сама найдет в себе силы встать.

— Но что это такое, Эл? — он кивнул на кровать.

— Это смерть, — тихо произнесла она, и в её голосе было столько холода, что Марк невольно отступил.

Эллисон отвела взгляд и буквально вылетела из спальни. В её призрачном мире всё, что было покрыто этими трещинами, выглядело теперь как тончайший лед, готовый рассыпаться от малейшего вздоха. Время в этих «шрамах» застыло, превратившись в ловушку для души.

Марк остался один на один с пустой кроватью. Он снова

потрогал матрас, провел рукой по одеялу — обычная ткань, обычный хлопок. Но гром в ушах всё еще эхом отдавался в его висках.

Он вышел в коридор. Эллисон стояла там, обняв себя за плечи, пытаясь унять призрачную дрожь. Марк легонько коснулся её локтя.

— Ты... — он хотел спросить, в порядке ли она, но вовремя осекся. Глупый вопрос для мертвой девушки.

— Дай мне минутку. Я приду в себя, — прошептала она.

— Нам осталось только одно место. Ванная. Там, где я нашел тебя на самом деле.

Эллисон кивнула, но осталась стоять в тени. Марк вздохнул и направился к ванной один. Он щелкнул выключателем, и стерильный белый свет затопил кафель.

— А ведь свет был выключен, когда я зашел сюда впервые, — Марк нахмурился, восстанавливая события утра.

— Не думаю, что я стала бы принимать ванну в темноте, — её голос донесся из коридора, чуть более уверенный.

— Ну, некоторые так делают, — Марк обернулся к ней с вымученной улыбкой. — Я слышал, это полезно. Какая-то там сенсорная депривация, отключение чувств и всё такое.

Девушка слабо улыбнулась в ответ, переступила порог и начала внимательно осматривать комнату, где её жизнь официально превратилась в «инфаркт».

— Марк, а ты не видишь мой телефон? — спросила она, оглядывая кафельные углы. — В спальне его точно не было.

— Я не вижу его здесь, — Марк покачал головой, осматривая пустые полки. — И раньше не видел. Только на бортике стояла открытая бутылка... — он указал рукой на край ванны, но там теперь было пусто. — Наверное, копы забрали её на экспертизу. И телефон тоже.

— Если бы я пошла в ванную, я бы точно взяла его с собой, — Эллисон виновато пожала плечами. — Да, я из тех зависимых, что берут мобильник даже в душ. Музыка, подкасты... я не люблю тишину.

Марк горько усмехнулся. Тишины в её жизни теперь было больше, чем она могла вынести. Он повернулся к ней, собираясь сказать что-то успокаивающее, и снова протянул руку, чтобы восстановить связь.

— Может быть, мы...

Договорить он не успел.

— РУКИ! ТАК, ЧТОБЫ Я ИХ ВИДЕЛ! ЖИВО!

Голос, подобный удару грома, ворвался в пространство ванной, отразившись от кафеля и ударив Марка по барабанным перепонкам.

Парень замер. В дверном проеме, заполняя собой всё пространство, стояла массивная фигура в помятом пальто. Свет ламп бликовал на вороненой стали «Глока», направленного прямо в грудь Марка. Детектив смотрел на него сквозь прицел взглядом человека, который не настроен на светские беседы.

Глава 8

Смерть оказалась на удивление суетливой штукой. В этом посмертном хаосе у меня не было и секунды, чтобы присесть на край и осознать: всё, финиш, я больше не часть этого мира. Я больше не жил. Я стал чем-то вроде помех на пустом телеканале — бессмысленным шумом, который всё ещё цепляется за экран.

Странно, но мне было совсем не жаль. Знаете это чувство, когда выбрасываешь старые, прохудившиеся ботинки, которые жали тебе годы? Вот и моя жизнь была такой же — стоптанной и вонючей. Никто не ждал меня дома, кроме тишины и пустых бутылок. Девушка? В моем мире женщины были лишь случайными тенями, проходящими мимо под дождем Сиэтла. Родители... они забыли мое имя еще до того, как я забыл их лица. А работа в доках под началом подонка, который считал людей дешевле ржавых болтов, была просто медленным способом гнить заживо.

И всё же я не исчез. Я продолжал существовать в этом странном «после», не готовый окончательно раствориться в мареве. Я уже убил человека. Возможно, двоих — если мой сосед не переживет эту ночь. Кто я такой, чтобы решать, кто достоин вдоха, а кто — вечного холода? Не знаю. Сделанного не воротишь, я не воскрешу их. Но я могу вернуть «жизнь» себе. Осталось только разобраться в механике моего посмер-

тия.

Даже будучи бестелесным духом, я продолжал воспринимать мир. Плохо, фрагментарно, сквозь вату и мутное стекло, но я видел. И я решил проверить — можно ли это исправить? В ночной темноте даже с идеальным зрением делать было нечего, и я сосредоточился на слухе.

Я потянулся сознанием к звукам. Знакомое шипение помех в ушах вдруг начало расслаиваться. Оно сменилось мягким шелестом листвы на ветру и мерным перестуком капель дождя по гудрону крыши. Кап. Кап. Кап. Мир обретал глубину. Но стоило мне отвлечься на мысль о холоде, как звуки тут же схлопнулись обратно в тишину.

Лежать в этой абсолютной пустоте было непривычно. И пугающе приятно. Полная безмятежность. Никаких долгов, никаких начальников, никакой боли в спине. Только я и бесконечный ноябрь. Но я знал: эта тишина — ловушка. И если я хочу снова услышать этот город, мне придется найти новый источник тепла.

Я закрыл глаза, и мир стерся. Пропали редкие звезды, брюхатые облака и бледный серп луны. Я оказался в самом сердце бескрайнего океана пустоты. И там, в этой бездонной черноте, я почувствовал Тягу. Это не было похоже на рывок за руку или ногу; что-то невидимое и бесконечно мощное засасывало саму мою суть, как воронка затягивает воду.

Я резко сел и распахнул глаза. Сердце должно было бешено колотиться, но в груди была лишь тишина.

Я понял: там, в глубине этой воронки, — конец пути. И возврата оттуда не будет. Неизвестность пугала меня до дрожи, которой у меня больше не было. Рай с золотыми дворцами и девственницами? В моем мире такие сказки не работали даже для живых. Я просто хотел остаться здесь. В этом холодном, грязном, но знакомом «сейчас».

Нужно было встать. Движение — это жизнь, даже если эта жизнь украдена. Я поднялся и пошел по крыше, по привычке переставляя ноги, хотя в этом больше не было нужды.

Странно, что я не проваливался сквозь крышу. И тут случилось то, от чего я едва не сошел с ума во второй раз за эту ночь.

Мои ноги начали погружаться в бетон. Сначала по лодыжки, потом по икры. Крыша превращалась в зыбучие пески, готовые поглотить меня целиком.

— Нет! — закричал я, и мой голос эхом отозвался в пустой голове. — Пол твердый! Я человек! Я могу по нему ходить!

Я сосредоточился на этой мысли, представляя каждый дюйм шершавого гудрона под подошвами. И реальность подчинилась. Бетон снова стал камнем. Я перестал тонуть.

В тот момент я осознал главное правило своей новой игры: этот мир настолько реален, насколько я в это верю. Если я на секунду усомнюсь в твердости земли — я провалюсь сквозь этажи. Теперь я должен был постоянно убеждать Вселенную, что я всё ещё здесь.

Я обязан стать внимательнее. Если время теперь течет иначе, я могу пропустить момент, когда реальность окончательно выскользнет из моих пальцев.

Я сосредоточился на зрении, и мир послушно проявился. Звезды и луна сместились к горизонту, а дождь, барабанивший всю ночь, наконец стих, оставив после себя лишь сырость. Прошло несколько часов, хотя мне казалось, что я пролежал в этой серой коме всего пару минут. Восприятие времени сломалось вместе с моими часами на асфальте. До рассвета было еще далеко, но Сиэтл уже начал ворочаться. В домах напротив вспыхивали редкие окна — первые «жаворонки» проснулись, чтобы включить чайники и привычно проклясть новый день. На дорогах внизу зашуршали шины первых машин, но тротуары всё ещё оставались пустыми.

Я подошел к самому краю крыши. Далеко внизу, в темном колодце переулка, стояли закрытые мусорные баки. И тут меня осенило: я ведь уже мертв. Нельзя умереть дважды.

Стоя на грани между бетоном и бездной, я думал о своей прошлой жизни, которой больше нет, и о будущем, которое мне не светит. По старой человеческой привычке я решил прыгнуть — как пловец с трамплина, — но у духа нет мышц, нет ног, которыми можно оттолкнуться. Я просто соскользнул вниз, падая головой вперед с расставленными руками.

Но падения не случилось.

Как только я миновал уровень карниза, моё тело — или то, что от него осталось — выровнялось параллельно земле

и начало медленно, почти торжественно опускаться. Метр за метром. Я не рухнул камнем вниз, как ожидал. Значит, у этого мира были свои ограничения, законы гравитации духа, которых я еще не знал.

Я выпрямился, принимая вертикальное положение. Теперь я плавно шел вниз, «ступая» по воздуху. Моя скорость была не больше метра в секунду — я мог бы заглядывать в окна соседей, если бы мне было до них дело. Ветер не касался меня, я не смещался ни вправо, ни влево, застыв в невидимом лифте. Я попытался сделать шаг в сторону, но для моего человеческого разума движение в пустоте было невыносимым. Я смог сдвинуться всего на пару сантиметров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.